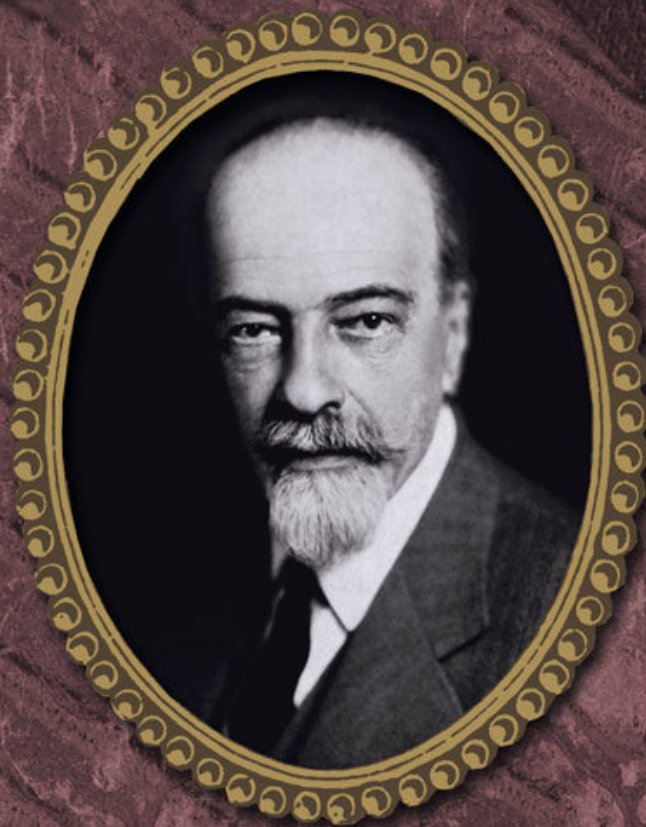

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСАНДР
МИХАЙЛОВИЧ
ВОСПОМИНАНИЯ

Александр Романов

Воспоминания в двух книгах

«Издательство Захаров»

1933

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

Романов А. М.

Воспоминания в двух книгах / А. М. Романов — «Издательство
Захаров», 1933

ISBN 978-5-8159-1436-0

Великий князь Александр Михайлович, он же Сандро, дядя и ровесник царя Николая Второго, был его приятелем и шурином, женатым на великой княжне Ксении; отец шестерых сыновей и дочери Ирины, которая вышла замуж за Феликса Юсупова. Обаятельный аристократ и веселый, мудрый человек, моряк, адмирал и создатель русской военной авиации, он всех знал и всё понимал, а по образу мыслей он современнее многих из нас. В этот том включены обе книги воспоминаний великого князя. Первая книга впервые печатается здесь с восстановлением всех многочисленных купюр политического и интимного свойства, которые сделали еще русские эмигранты в Париже в 1933 году. Вторая книга, рассказывающая о годах эмиграции, переведена специально для этого издания.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-8159-1436-0

© Романов А. М., 1933
© Издательство Захаров, 1933

Содержание

От издателя	5
Книга первая	7
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	21
1	21
2	21
3	23
4	24
5	25
6	26
7	28
Глава IV	30
1	30
2	30
3	31
4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Великий князь Александр Михайлович

Воспоминания в двух книгах

От издателя

Первая книга воспоминаний великого князя Александра Михайловича была издана в США в 1932 году на английском языке с таким авторским предисловием:

История последних пятидесяти бурных лет Российской империи – только фон, а не тема этой книги.

Составляя отчет о развитии великого князя, я полагался только на свою память, ибо все мои письма, дневники и другие документы были либо сожжены мною, либо конфискованы революционерами в 1917 и 1918 годах в Крыму.

Естественно, я уделяю больше места тем, кто сыграл важную роль в моей личной жизни: Императору Александру II, Императору Александру III, последнему Царю Николаю II, моей теще, вдовствующей Императрице Марии Русской, моей жене, Великой Княгине Ксении, и моим родителям и братьям. Другие – генералы, министры и государственные деятели – и так, кажется, не остались без изрядного внимания как в своих собственных мемуарах, так и в многочисленных томах, посвященных Русской Революции.

У меня нет желания вскрывать трупы, и я сделал все, чтобы мои пристрастия и предрассудки не влияли на мои суждения. На самом деле, горечи не осталось в моем сердце.

Александр, Великий Князь Русский.

Париж.

Осень 1931 года.

В 1933 году в Париже был опубликован русский текст первой книги воспоминаний со следующим предисловием «От автора»:

Моя Книга воспоминаний впервые увидела свет на английском языке в Нью-Йоркском издании Феррер и Рейнхерт.

Теперь я с удовольствием иду навстречу желанию издательства «Иллюстрированной России» познакомить с моим трудом русского читателя, предоставив право издания книги на русском языке в виде приложения к журналу в 1933 году.

Я написал эту книгу, не преследуя никаких политических целей и никаких общественных задач.

Просто в соответствии с пережитым я захотел рассказать, что память сохранила, а главное, отметить этапы того пути, который привел меня к мысли, что единственное ценное в нашей жизни это работа духа и освобождение живительных сил нашей души от всех пут материальной цивилизации и ложных идеалов.

Я верю, что после тяжелых испытаний в России зародится Царство Духа, Царство освобождения души человека.

Не может быть Голгофы без Воскресения. А более тяжелой Голгофы, чем Голгофа Великой мученицы России, мир не видел.

Будем верить в Царство Духа.

Вот что я хотел сказать моим русским читателям.

Великий Князь Александр Михайлович.

Париж.

Июнь 1932 г.

Позднее, в 1980 и 1991 годах, этот же русский текст воспоминаний публиковался еще дважды, в Париже и в Москве.

Однако сравнительный анализ английского и русского вариантов, сделанный мною при подготовке этого издания, показал:

1. Русский текст почти наверняка является переводом с английского.
2. Переводчик и/или редактор этого текста хорошо знал русскую историю, но хуже – английский язык. И еще хуже – русский!
3. В русском тексте сделаны значительные сокращения явно цензурного характера.

Вот почему в этом издании русский текст первой книги воспоминаний Александра Михайловича восстановлен по американскому изданию, а наиболее вопиющие цензурные вмешательства и другие расхождения отмечены прямо в тексте – курсивом и сносками.

Вторая книга воспоминаний великого князя публиковалась только на английском языке – в 1933 году в Нью-Йорке – и переведена на русский язык специально для этого издания.

В новом, втором издании текст еще раз сверен с оригиналом и отредактирован. Добавлено много редких фотографий.

Книга первая

Глава I

14 декабря 1825 года

Высокий, с военной выправкой человек торопливо пересек залитый дождем дворик в Таганроге около дворца и вышел на улицу.

У ворот часовой отдал ему честь, но незнакомец его не заметил. Еще миг, и высокий человек исчез во тьме ноябрьской ночи, окутавшей, словно пеленой, туманом этот южный приморский городок.

– Это кто был? – спросил сонный гвардейский капрал, возвращающийся с кругового обхода.

– Его Императорское Величество вышли на раннюю прогулку, – ответил часовой, но голос его звучал как-то неуверенно.

– Да ты с ума сошел, – напустился на него капрал, – разве ты не знаешь, что Его Величество тяжело болен, что доктора потеряли всякую надежду и ждут конца государя до рассвета?

– Оно может так, – сказал часовой, – но ни у кого другого нет таких сгорбленных плеч, как у Государя. Я его знаю ведь. Каждый день в течение трех месяцев вижу его.

Разговор замолк. Часовой опять замер на своем посту.

Несколько часов спустя глухой звон колоколов, разносясь в воздухе на далекие версты вокруг, возвестил русским людям, что император и самодержец всероссийский, победитель Наполеона, Александр I в Бозе почил.

Несколько фельдгегерей были срочно отправлены в С.-Петербург, чтобы сообщить о происшедшем правительству и законному наследнику, брату почившего царя, великому князю Константину Павловичу.

Офицеру, пользовавшемуся особым доверием, был отдан приказ доставить царские останки в столицу. В течение следующих десяти дней русский народ, затаив дыхание, смотрел на бледного, изможденного человека, сидевшего позади запечатанного гроба на траурной колеснице, которая мчалась со скоростью, напоминавшей атаку французской кавалерии. Ветераны Аустерлица, Лейпцига и Парижа, стоявшие вдоль длинного пути, в недоумении качали головами и говорили: какой странный конец царствования, не превзойденного никем великолепием и славой побед!

Правительство дало краткий приказ не выставлять тела усопшего императора для поклонения народа.

Тщетно иностранные дипломаты и придворные старались постичь причину таинственности. Спрошенные отговаривались незнанием и только разводили руками.

Но тут произошло событие, заставившее все взоры отвернуться от царского катафалка к площади Сената. Наследник престола великий князь Константин отрекся от своих прав на престол в пользу своего младшего брата Николая Павловича. Счастливого женатому морганатическим браком на польке Грудзинской Константину не захотелось променять мирную семейную жизнь в Варшаве на превратности венценосца. Он просил его не винить и выразил уверенность, что все подчинится его воле. Гробовым молчанием встретил Сенат чтение собственноручно написанного отречения великого князя Константина.

Имя нового наследника, великого князя Николая, было мало знакомо. У императора Павла I было четыре сына, и трудно было предвидеть, что красавец Александр I умрет бездетным и что мужественный Константин поразит Россию неожиданностью отречения. Будучи

на несколько лет моложе своих братьев, великий князь Николай до декабря 1825 года проходил обычную строевую карьеру, а потому лишь военные круги могли судить о способностях и характере нового императора.

Хороший и исполнительный строевой офицер, великий князь Николай привык к дисциплине и провел немало часов своей жизни в приемных высших сановников Империи. У него было много высоких качеств и никакого знакомства с государственными делами; он никогда не принимал участия в заседаниях Государственного совета. К счастью для России, он мог положиться на знания и опыт любивших родину сановников империи. Эта последняя мысль ободрила тех министров, которые отправлялись представляться юному правителю России.

Однако некоторая холодность омрачила первое представление. Новый император заявил прежде всего, что он желал бы лично прочесть письмо Константина Павловича. Как человек военный, великий князь Николай опасался интриг со стороны гражданских сановников. Ему дали письмо. Он внимательно его прочел и осмотрел подпись. Ему все еще казалось невероятным, чтобы наследник русского престола мог послушаться приказания свыше. Во всяком случае Николай считал, что Константин Павлович должен был заблаговременно предупредить о своих намерениях покойного императора, чтобы Николай Павлович имел возможность и время несколько подготовиться к правлению государством.

Он сжал кулаки и поднялся со своего места. Высокий, красивый, атлетически сложенный Николай был образцом мужской красоты.

– Мы исполним волю нашего покойного брата и желание великого князя Константина, – объявил он, и то, что он сказал «мы», было отмечено министрами. Этот молодой человек заговорил как монарх. Мог ли он так же и действовать? Доказательство представилось гораздо раньше, чем можно было ожидать.

На следующий день, 14 декабря, когда армия должна была присягнуть новому государю, тайное политическое общество, во главе которого стояли представители родовитой молодежи, решило воспользоваться случаем, чтобы поднять открытое восстание против престола и династии. Даже теперь, по прошествии столетия, очень трудно составить определенное мнение о политической программе тех, кого история назвала «декабристами». Гвардейские офицеры, писатели, интеллигенты – они подняли восстание не потому, что у них была какая-то общая идея, но, по примеру Французской революции, в целях освобождения угнетенного народа. Между ними не было единомыслия по вопросу о том, что будет в России после падения самодержавия. Полковник Пестель, князь Трубецкой, князь Волконский и другие члены Петербургской организации декабристов мечтали создать в России государственный строй по примеру английской конституционной монархии. Муравьев-Апостол и декабристы провинциальных кружков требовали провозглашения республики в духе Робеспьера. За исключением Пестеля, человека с математическим складом ума, взявшего на себя подробную разработку проекта будущей русской конституции, остальные члены организации предпочли направить свою энергию на внешнюю сторону переворота. Поэт Рылеев видел себя Демуленом, произносящим пламенные речи и прославляющим свободу. Жалкий, неуравновешенный юноша Каховский проповедовал необходимость идти по стопам «благородного Брута».

Среди многочисленных сторонников декабристов, привлеченных громкими именами отпрысков лучших русских родов, были Кюхельбекер и Пущин, двое школьных товарищей Пушкина. Сам Пушкин, получив известие о происходящих в столице событиях, покинул свое имение и поспешил в Петербург. Когда он выехал на петербургскую дорогу, испуганный заяц перебежал его путь у самого экипажа. Суеверный поэт остановил ямщика и велел повернуть назад.

Об этом он рассказал своим друзьям-заговорщикам и написал прекрасную поэму, посвященную декабрьским дням.

Хотя организация декабристов была создана еще в 1821 году, деятельность ее ничем не проявилась, кроме тайных заседаний и жарких споров, которые велись на квартирах Пестеля, Рылеева и Бестужева-Рюмина. Принимая во внимание русскую страсть к спорам, легко предположить, что декабристы ни до чего определенного и не договорились бы, если бы таинственная смерть Александра I и отречение от престола великого князя Константина не дали резкого толчка к восстанию.

– Теперь или никогда! – воскликнул Каховский, потрясая огромным пистолетом.

Полковник Пестель колебался, но большинство заговорщиков присоединились к Каховскому.

Вечером 13 декабря, не придя к общему решению, они отправились по казармам и провели всю ночь в переговорах с солдатами гарнизона столицы. Их план, если у них вообще был какой-либо план, состоял в том, чтобы вывести несколько полков на Сенатскую площадь и заставить императора принять их требования установления в России конституционного образа правления. Задолго до рассвета стало ясно, что заговор не удался. Солдаты не понимали ни пламенного красноречия декабристов, ни длинных цитат из Жан-Жака Руссо. Единственный вопрос, поставленный солдатами заговорщикам, был о значении слова «конституция». Солдаты спрашивали, не была ли «Конституция» именем польки, супруги великого князя Константина Павловича.

– Еще есть время, – предложил Пестель, – все отменить!..

– Слишком поздно, – ответили его соратники, – правительству уже известно, что происходит в гарнизоне. Нас все равно арестуют и предадут суду. Лучше умереть в борьбе!

На рассвете два батальона под командованием офицеров-заговорщиков решились выступить. Их продвижение по улицам по направлению к Сенату не вызвало никакого сопротивления. Правда, военный губернатор С.-Петербурга, герой Отечественной войны граф Милорадович выставил на Сенатской площади полк преданной правительству кавалерии и одну батарею артиллерии, но допустил мятежников построиться перед Сенатом.

В это утро тяжелый туман поднимался с берегов Невы над Петербургом. Когда к полудню он рассеялся, то смятенные толпы народа увидели на Сенатской площади батальоны мятежников и верные правительству полки, стоящие друг против друга на расстоянии трехсот шагов.

Время шло. Солдатам захотелось есть. Главари тайной организации чувствовали себя жалкими и беспомощными. Они готовы были пожертвовать своими жизнями, но правительство, как было видно, не хотело кровопролития. Со стороны декабристов было бы сущим безумием атаковать имевшимися в их распоряжении батальонами пехоты соединенные силы кавалерии и артиллерии.

– Стоячая революция! – раздался чей-то голос сзади. И эта ставшая исторической фраза была встречена взрывом смеха.

Внезапно по радам пронесся шепот.

– Молодой император! Молодой император! Посмотрите – вот он верхом рядом с Милорадовичем!

Вопреки уговорам приближенных и свиты не рисковать своей жизнью, император Николай Павлович решил лично принять командование верными ему войсками. Окруженный группой военных, верхом на громадной лошади, он представлял собой хорошую мишень для мятежников. Даже плохой стрелок не мог бы промахнуться!

– Ваше Императорское Величество! – взмолился испуганный Милорадович, – прошу вас вернуться во дворец!

– Я останусь здесь, – последовал твердый ответ, – кто-нибудь должен спасти жизнь этих сбитых с толку людей!

Милорадович прищипил своего коня и поскакал в противоположный конец площади. Как и его монарх, генерал не боялся русских солдат. Они никогда не решились бы выстрелить в генерала, который еще так недавно вел их против старой гвардии Наполеона.

Остановившись против мятежников, Милорадович произнес одну из тех речей, которые в 1812 году вдохновляли не один геройский полк на боевые подвиги. Каждое слово генерала попадало в цель. Солдаты улыбались шуткам генерала, и их лица светлели. Еще минута, и они последовали бы его «братскому совету старого солдата» и вернулись бы в свои казармы...

Но в эту критическую минуту темная фигура встала между солдатами и Милорадовичем.

Бледный, растрепанный, пахнувший винным перегаром, с утра так и не расставшийся со своим пистолетом, Каховский прицелился и выстрелил в упор в Милорадовича. Генерал зашатался в седле. Негодующие крики слышались и с той, и с другой стороны. Император Николай нахмурился и бросил быстрый взгляд в сторону батареи. Раздались выстрелы, эхо разнесло их по всему городу...

«Стоячая революция» кончилась. Несколько солдат были убиты, и все главари мятежа до полуночи арестованы.

«Я никогда не забуду наших друзей четырнадцатого декабря», – сказал неделю спустя император и подписал приговор, отправлявший Пестеля, Каховского, Бестужева-Рюмина, Рылеева и Муравьева-Апостола на виселицу, а остальных участников – в Сибирь.

И не забыл. Позже, во время одного из своих путешествий по Сибири, император расспрашивал о мельчайших подробностях жизни сосланных им представителей аристократии, которые, сами того не подозревая, сделались предшественниками движения, достигшего цели девяносто два года спустя.

Также выразил он желание побеседовать со старцем, известным под именем Федора Кузьмича, и сделал большой крюк, чтобы посетить его убогую хижину в глуши Сибири.

Свидание произошло без свидетелей. Император оставался с глазу на глаз со старцем более трех часов. Он вышел от него в глубокой задумчивости. Свите показалось, что на его глазах были слезы.

«Может быть, – писал впоследствии один из свиты, – есть доля правды в легенде, которая говорит, что в Петропавловском соборе погребен простой солдат под видом Александра I, а подлинный император скрывался в Сибири под именем старца Федора Кузьмича».

Мой покойный брат, великий князь Николай Михайлович, работая несколько лет в наших семейных архивах, старался найти подтверждение этой удивительной легенды. Он верил в ее правдоподобие, но дневники нашего деда Николая I, как это ни странно, даже не упоминают о посещении им старца Федора Кузьмича.

Началом легенды было слово часового Таганрогского дворца; это слово подхватила народная молва, упорно говорившая, что сибирский старец Федор Кузьмич был не кто иной, как император Александр I, скрывшийся в ночь своей мнимой кончины. Неопровержимым фактом также остается мистическая настроенность императора Александра I в последние годы его царствования, которая давала историкам основание верить в легенду.

Утомленный продолжительными войнами с Наполеоном и потеряв всякую веру в немецких, английских и австрийских союзников, мой царственный внучатый дядя любил месяцами жить в провинциальном захолустье своего Таганрогского дворца, читая Библию вместе со своей грустной и прекрасной женой, оплакивавшей долгие годы свою бездетность.

Император Александр, страдая бессонницей, часто вставал ночами, стараясь рассеять думы, полные видений прошлого. Две сцены преследовали его постоянно: граф Пален, входящий в его комнату 11 марта 1801 года с вестью об убийстве его отца, императора Павла I; и Наполеон в Тильзите, обнимающий его и обещающий поддерживать вечный мир в Европе. Оба эти человека лишили его юности и обагрили ему руки кровью.

Без конца перечитывал он слова Библии, подчеркнутые его карандашом: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем: и вот, все суета».

Глава II

Мое рождение

– Ее Императорское Высочество великая княгиня Ольга Федоровна благополучно разрешилась от бремени младенцем мужского пола, – объявил 1 апреля 1866 года адъютант великого князя Михаила Николаевича, тогдашнего наместника на Кавказе, вбегая в помещение коменданта Тифлисской крепости. – Прошу произвести пушечный салют в 101 выстрел!

– Это даже перестает быть забавным, – сказал старый генерал, сумрачно глядя на висевший перед ним календарь. – Мне уже этим успели надоест за все утро. Забавляйтесь вашими первоапрельскими шутками с кем-нибудь другим, или же я доложу об этом Его Императорскому Высочеству.

– Вы ошибаетесь, Ваше Превосходительство, – нетерпеливо перебил адъютант, – это не шутка. Я иду прямо из дворца и советовал бы вам исполнить приказ Его Высочества немедленно!

Комендант пожал плечами, еще раз кинул взор на календарь и отправился во дворец проверить новость.

Полчаса спустя забухали орудия, и специальное сообщение наместника оповестило взволнованных грузин, армян, татар и других народностей Тифлиса о том, что новорожденный великий князь будет наречен при крещении Александром в честь его царственного дяди – императора Александра II.

Второго апреля 1866 года, в возрасте 24 час. от роду, я стал полковником 73-го Крымского пехотного полка, офицером 4-го стрелкового батальона императорской фамилии, офицером гвардейской артиллерийской бригады и офицером кавказской гренадерской дивизии. Красавица мамка должна была проявить всю изобретательность, чтобы уgomонить обладателя всех этих рангов.

Следуя по стопам своего отца, императора Николая I, человека исключительной прямолинейности и твердости взглядов, отец мой считал необходимым, чтобы его дети были воспитаны в военном духе, строгой дисциплине и сознании долга. Генерал-инспектор русской артиллерии и наместник богатого Кавказа, объединявшего до двадцати разных народностей и враждующих между собой племен, не разделял современных принципов нежного воспитания. Моя мать, до брака принцесса Цецилия Баденская, выросла в те дни, когда Бисмарк сковывал Германию железом и кровью.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что радости беззаботного детства внезапно оборвались для меня в тот день, когда мне исполнилось семь лет. Среди многочисленных подарков, поднесенных мне по этому случаю, я нашел форму полковника 73-го Крымского пехотного полка и саблю. Я страшно обрадовался, так как сообразил, что теперь сниму свой обычный костюм, который состоял из короткой розовой шелковой рубашки, широких шаровар и высоких сапог красного сафьяна, и облекусь в военную форму. Мой отец улыбнулся и отрицательно покачал головой. Конечно, мне иногда позволят, если я буду послушным, надевать эту блестящую форму. Но прежде всего я должен заслужить честь носить ее прилежанием и многолетним трудом.

Лицо мое вытянулось, но худшее было еще впереди.

– С завтрашнего дня, – объявил мой отец, – ты уйдешь из детской. Ты будешь жить с братьями Михаилом и Георгием. Учись и слушайся своих учителей.

Прощайте, мои добрые нянюшки, мои волшебные сказки! Прощайте, беззаботные сны! Всю ночь я проплакал в подушку, не слушая ободряющих слов моего доброго дядьки казака Шевченки. В конце концов, видя, что его обещания навещать меня каждое воскресенье не производят на меня должного впечатления, он стал нашептывать испуганно:

– Вот будет срам, если Его Императорское Величество узнают и отдадут в приказе по армии, что его племянник, великий князь Александр, отрешается от командования 73-м Крымским полком, потому что плачет, как девчонка!

Услышав это, я вскочил с постели и бросился мыться. Я пришел в ужас, что чуть не обесчестил всю нашу семью в глазах императора и России.

Еще одно событие, большей важности, совпало со днем моего рождения. Я нахожу, что оно явилось для меня прямо откровением, настолько сильно была потрясена им моя юная душа. Я говорю о первой исповеди. Добрый батюшка, отец Георгий Титов старался всячески смягчить мое потрясение.

Впервые в моей жизни я узнал о существовании различных грехов и их определение от отца Титова. Семилетним ребенком я должен был каяться в своей причастности к делам дьявольским. Господь Бог, который беседовал со мной в шепоте пестрых цветов, росших в нашем саду, внезапно превратился в моем сознании в грозное, неумолимое существо.

Не глядя в мои полные ужаса глаза, отец Титов поведал мне о проклятиях и вечных муках, на которые будут осуждены те, кто утаивает свои грехи. Он возвышал голос, а я, дрожа, смотрел на его наперсный крест, освещенный лучами яркого кавказского солнца. Могло ли так случиться, что я вольно или невольно совершил какой-нибудь ужасный грех и утаил его?

– Очень часто дети берут без спроса разные мелочи у своих родителей. Это воровство и большой грех, – говорил батюшка.

Нет, я был совершенно уверен в том, что не украл даже леденца из большой серебряной вазы, что стояла на камине, хотя она меня соблазняла не раз. Но я вспомнил о прошлом лете, которое провел в Италии. Будучи в Неаполе в саду при нашей вилле, я поднял под одним из фруктовых деревьев блестящее красное яблоко, которое издавало такой знакомый аромат, что я сразу задрожал и загрустил по далекому Кавказу.

– Отец Титов, скажите, я попаду в ад, потому что подобрал чужое яблоко в Неаполе? – спросил я.

Отец Титов успокоил меня и обещал научить, как искупить этот грех, если я ему обещаю никогда не делать ничего подобного.

Эта его готовность идти на уступки придала мне храбрости. Заикаясь, бормоча и проглатывая слова, я выразил удивление и сомнение по поводу существования ада.

– Вы здесь говорили, отец Титов, когда приходили к нам завтракать во дворец, что Господь Бог любит всех – мужчин, женщин, детей, животных и цветы. Так как же Он может допустить существование всех этих мук ада? Как может он одновременно любить и ненавидеть?

Теперь пришла очередь отца Титова ужасаться.

– Не повторяйте этого никогда! Это грех, кощунство. Конечно, Господь Бог любит всех. Он полон благодати. Он не может ненавидеть.

– Но, батюшка, вы же мне только что сказали о тех ужасных мучениях, которые ожидают в аду грешников. Значит, Бог любит только хороших людей и не любит грешников.

Батюшка глубоко вздохнул и положил на мою голову свою большую мягкую руку.

– Мой дорогой мальчик, вы поймете это со временем. Когда-нибудь, когда вы вырастаете, вы меня поблагодарите за то, что я воспитал вас в духе истинного христианства. Теперь не спрашивайте много, но поступайте так, как я говорю.

Я ушел из церкви с чувством, что потерял что-то необычайно ценное, чего никогда не смогу приобрести вновь, даже если сделаюсь императором всероссийским.

– Ты простился со своими няньками? – спросил меня отец, когда я взобрался к нему на стул, чтобы пожелать спокойной ночи.

Не все ли было равно и чем мне могли помочь няньки, когда мы все попадем в ад?

С этого дня и до пятнадцатилетнего возраста мое воспитание было подобно прохождению строевой службы в полку. Мои братья Николай, Михаил, Сергей и Георгий и я жили, как

в казармах. Мы спали на узких железных кроватях с тончайшими матрацами, положенными на деревянные доски. Я помню, как много лет спустя, уже после моей женитьбы, не мог привыкнуть к роскоши широкой кровати с двойным матрацем и полотняным бельем и потребовал назад мою старую походную кровать.

Нас будили в шесть часов утра. Мы должны были сейчас же вскакивать, так как тот, кто рискнул бы «поспать еще пять минут», наказывался самым строжайшим образом.

Мы читали молитвы, стоя в ряд на коленях перед иконами, потом принимали холодную ванну. Наш утренний завтрак состоял из чая, хлеба и масла. Все остальное было строго запрещено, чтобы не приучать нас к роскоши.

Затем шел урок гимнастики и фехтования. Особое внимание было обращено на практические занятия по артиллерии, для чего в нашем саду стояло орудие. Очень часто отец без предупреждения заходил к нам на занятия, критически наблюдая урок по артиллерии. В возрасте десяти лет я мог бы принять участие в бомбардировке большого города.

От 8 часов утра до 11 и от 2 до 6 мы должны были учиться. По традиции, великие князья не могли обучаться ни в казенных, ни в частных учебных заведениях, а потому мы были окружены целым штатом наставников. Наша учебная программа, разделенная на восьмилетний период, состояла из уроков Закона Божьего, истории православной церкви, сравнительной истории других исповеданий, русской грамматики и литературы, истории иностранной литературы, истории России, Европы, Америки и Азии, географии, математики (заклучавшей в себе арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию), языков французского, английского и немецкого и музыки. Сверх того, нас учили обращению с огнестрельным оружием, верховой езде, фехтованию и штыковой атаке. Мои старшие братья Николай и Михаил изучали также латинский и греческий языки, нас же, младших, освободили от этой пытки.

Учение не было трудным ни для меня, ни для моих братьев, но излишняя строгость наставников оставила в нас всех осадок горечи. Можно с уверенностью сказать, что современные любящие родители воспротивились бы, если бы их детей воспитывали так, как это было принято в русской императорской семье эпохи моего детства.

Из-за малейшей ошибки в немецком слове нас лишали сладкого. Ошибка в вычислении скоростей двух встречных поездов – задача, которая имеет для учителей математики особую притягательную силу, – влекла за собою стояние на коленях носом к стене в течение целого часа.

Однажды, когда мы были доведены до слез какой-то несправедливостью педагогов и попробовали протестовать, последовал рапорт отцу с именами зачинщиков, и мы были сурово наказаны.

Для меня навсегда останется непостижимым, как такая давящая система воспитания не притупила наши умы и не вызвала ненависти ко всем тем предметам, которым нас обучали в детстве.

Должен, однако, добавить, что все монархи Европы, казалось, пришли к молчаливому соглашению, что их сыновья должны быть воспитаны в страхе Божьем для правильного понимания будущей ответственности перед страной. Много лет спустя, делясь воспоминаниями с германским императором Вильгельмом, я оценил сравнительную мягкость наших тифлисских учителей. Его наследник, германский крон-принц, женатый на одной из моих племянниц, сухо добавил, что количество наказаний, полученных в детстве отцом-монархом, не смягчает тропы испытаний, по которой идет его сын.

Завтраки и обеды, столь приятные в жизни каждой семьи, не вносили разнообразия в строгую рутину нашего воспитания.

Наместник Кавказа должен быть представителем государя императора в сношениях с миллионами верноподданных, живущих на юге России, и за наш стол садилось ежедневно не менее 30 или 40 человек. Официальные лица, прибывшие на Кавказ из Петербурга, восточ-

ные властители, отправлявшиеся представиться царю, военачальники подчиненных наместнику губерний и областей, общественные деятели с женами, лица свиты и придворные дамы, офицеры личной охраны и наши наставники – все пользовались случаем, чтобы высказать свои политические взгляды и ходатайствовать о различных милостях в Тифлисском дворце.

Мы, дети, должны были во время завтраков и обедов очень следить за собой и отнюдь не начинать разговаривать, пока нас не спрашивали. Как часто, сгорая от желания рассказать отцу о том, какую замечательную крепость мы построили на вершине горы или же какие японские цветы посадил наш садовник, должны были мы сдерживаться, молчать и слушать важного генерала, который разглагольствовал о нелепости последних планов Дизраэли.

Если же к нам обращались с каким-то вопросом, что конечно же делалось из чувства подобострастия перед наместником Его Величества, то мы должны были отвечать в тех рамках, которые нам предписывал строгий этикет. Когда какая-нибудь дама, с приторно сладкой улыбкой на губах, спрашивала меня о том, кем бы я хотел быть, то она сама прекрасно знала, что великий князь Александр не может желать быть ни пожарным, ни машинистом, чтобы не навлечь на себя неудовольствия великого князя – отца. Выбор моей карьеры был весьма ограничен: он лежал между кавалерией, которой командовал мой дядя, великий князь Николай Николаевич-старший, артиллерией, которая была в ведении моего отца, и военным флотом, во главе которого стоял мой дядя – великий князь Константин Николаевич.

– Для такого мальчика, как вы, – обыкновенно говорила улыбающаяся дама, – самое лучшее следовать по стопам вашего августейшего отца.

Что другое можно было ответить на подобный вопрос, если принять во внимание, что в это время двенадцать пар глаз моих наставников впивались в меня, стараясь внушить мне достойный ответ?

Брат Георгий как-то робко высказал желание сделаться художником-портретистом. Его слова были встречены зловещим молчанием всех присутствующих, и Георгий понял свою ошибку только тогда, когда камер-лакей, обносивший гостей десертом, прошел с малиновым мороженым мимо его прибора.

Порядок распределения мест за столом исключал для нас, детей, всякую возможность посмеяться над теми или иными странностями гостей или же пошептаться между собой. Нам никогда не позволяли сидеть вместе, а размещали между взрослыми. Нам было объяснено, что мы должны себя вести в отношении наших соседей так, как бы вел себя наш отец. Мы должны были улыбаться неудачным островам наших гостей и проявлять особый интерес к политическим новостям.

Кроме того, мы должны были всегда помнить, что в один прекрасный день нас повезут в Россию, которая находится за хребтом Кавказских гор. Там, в гостях у нашего царственного дяди, говорили нам, мы с признательностью вспомним наших наставников, которым мы обязаны нашими хорошими манерами. Иначе наши кузены будут указывать на нас пальцами и называть «дикими кавказцами».

Встав из-за стола, мы могли играть в кабинете отца в течение часа после завтрака и двадцати минут после обеда. Кабинетом была огромная комната, покрытая удивительными персидскими коврами и украшенная по стенам кавказскими саблями, пистолетами и ружьями. Окна кабинета выходили на Головинский проспект (главная улица Тифлиса), и из них можно было наблюдать интересные картины восточного быта. Мы не могли насмотреться на высоких, загорелых горцев в серых, коричневых или же красных черкесках, верхом на чистокровных скакунах, с рукой на рукояти серебряных или золотых кинжалов, покрытых драгоценными камнями. Привыкнув встречать у отца представителей различных кавказских народностей, мы без особого труда различали в толпе беспечных персов, одетых в пестрые ткани и ярко выделявшихся на черном фоне одежд грузин и простой формы наших солдат. Армянские продавцы

фруктов, сумрачные татары верхом на мулах, желтолицые бухарцы, кричавшие на своих тяжело нагруженных верблюдов, – вот главные персонажи этой вечно двигавшейся панорамы.

Громада Казбека, покрытого снегом и пронизывавшего своей вершиной голубое небо, царила над узкими красивыми улицами, которые вели к базарной площади и были всегда наполнены шумной толпой. Только мелодичное журчание быстрой Куры смягчало шумную гамму этого вечно кричащего города.

Красота окружающей природы обыкновенно накладывает отпечаток грусти на склад юного характера. Но мы все были беспечно счастливы в те короткие минуты, которые оставались в нашем распоряжении между строевыми занятиями и учебными классами.

Мы любили Кавказ и мечтали остаться навсегда в Тифлисе. Европейская Россия нас не интересовала. Наш узкий кавказский патриотизм заставлял нас смотреть с недоверием и даже с презрением на расшитых золотом посланцев С.-Петербурга. Российский монарх был бы неприятно поражен, если бы узнал, что ежедневно от часу до двух и от восьми до половины девятого вечера пятеро его племянников строили на далеком юге планы отделения Кавказа от России. К счастью для судеб империи, наши гувернеры не дремали, и в тот момент, когда мы принимались распределять между собой главные посты, неприятный голос напоминал нам, что нас ожидают в классной комнате неправильные французские глаголы.

Ровно в девять мы должны были идти в нашу спальню, надевать длинные белые ночные рубашки (пижамы тогда еще не были известны в России), немедленно ложиться и засыпать. Но и в постелях мы оставались под строгим надзором. Не менее пяти раз за ночь дежурный наставник входил в нашу комнату и окидывал подозрительным взглядом кровати, в которых под одеялами лежали, свернувшись, пятеро мальчиков.

Около полуночи нас будило звяканье шпор, возвещавшее приход отца. На просьбы моей матери нас не будить отец отвечал, что будущие солдаты должны приучаться спать, несмотря ни на какой шум.

– Что они будут делать потом, – говорил он, – когда им придется урывать несколько часов для отдыха под звуки канонады?

Никогда не забуду я его высокой фигуры и серьезного красивого лица, склоненного над нашими кроватками, когда он благословлял нас широким крестным знамением. Потом, прежде чем покинуть нашу спальню, он молился перед иконами, прося Всевышнего помочь ему сделать из нас добрых христиан и верноподданных государя и России. Никакие религиозные сомнения не омрачали его твердых убеждений. Он верил каждому слову Священного Писания и воздавал Богу богово, а Кесарю кесарево.

В глазах наших родителей и воспитателей мы были здоровыми, нормальными детьми, но современный педагог нашел бы в нас неудовлетворенную жажду к большой ласке и к проявлению привязанности. Мы страдали душой от одиночества. Наше особое положение отделяло нас от детей нашего возраста. Нам не с кем было поговорить, и каждый из нас был слишком горд, чтобы делиться своими мыслями с братьями.

Одна мысль о том, чтобы явиться к отцу и утруждать его неопределенными разговорами без специальной цели, казалась просто безумием. Мать наша, со своей стороны, направляла все усилия к тому, чтобы уничтожить в нас малейшее внешнее проявление чувства нежности. В свои юные годы она прошла школу спартанского воспитания в Германии, в духе того времени, и не порицала ее.

Будучи в полном смысле этого слова демократами в наших отношениях к прислуге, мы должны были тем не менее помнить, что великий князь никогда не должен проявлять ни малейшей слабости в присутствии посторонних. Он должен выглядеть всегда довольным, скрывая свои чувства под маской официальной холодности.

Особое положение в семье занимала наша сестра Анастасия Михайловна. Мы все обожали эту высокую темноволосую девушку, она была любимицей отца. Когда мы говорили с нею, то воображали себя ее верными рыцарями, готовыми исполнять все приказания нашей дамы сердца и повергнуть к ее ногам всю любовь, накопившуюся в душе неделями и месяцами скучного учения. Мы страстно ревновали ее друг к другу, и у нас заняло сердце, когда в Тифлис прибыл герцог Мекленбург-Шверинский, чтобы познакомиться со своей будущей невестой. Наша инстинктивная неприязнь к нему и его лихой манере щелкать каблуками достигла пределов настоящей ненависти, когда наш брат Николай открыл истинную цель его визита. Его появление грозило лишить нас существа, на которое мы изливали всю нашу душевную нежность. После отъезда сестры чувства эти обратились в сторону природы, которая была неизменно ласкова и поддерживала в наших сердцах надежду.

Зимой нам разрешали выходить на двор только на один час, так что мы с нетерпением считали дни, оставшиеся до весны. Наши каникулы продолжались всего шесть недель, и мы проводили их либо в Боржоме, либо на Крымском побережье Черного моря, в имении государя императора.

Я буду всегда с благодарностью вспоминать мою болезнь scarlatina, так как из-за нее мне удалось провести самое счастливое лето в моей жизни. Мне было тогда девять лет.

Я заболел и впал в бессознательное состояние в Боржоме, откуда мои родители собирались ехать в Петербург для свидания с императором Александром II. Доктора сразу же определили scarlatina, и меня оставили в Боржоме на попечении графини Алопеус, гофмейстерины моей матери, адъютанта кн. Меликова и лейб-медика Альбануса. В течение шести недель, проведенных мною в постели, они все меня баловали, и я чувствовал себя центром всеобщего внимания.

Каждый день военный оркестр играл вблизи нашего дома мои любимые мотивы. Множество людей, проезжавших Кавказ, посещали Боржом, чтобы навестить больного сына наместника, и большинство из них приносили мне коробки с леденцами, игрушки и книги приключений Фенимора Купера. Доктор, графиня Алопеус и кн. Меликов охотно играли со мной в индейцев. Вооруженный шашкой адъютанта, доктор пытался скальпировать объятую ужасом придворную даму, которая, исполняя порученную ей роль, призывала на помощь бесстрашного «Белого Человека Двух Ружей». Последний, опершись на подушку, прицеливался в ее мучителей, и его пули одна за другой попадали в их лбы.

Время моего выздоровления ознаменовалось рядом пикников, с поездками в лес и в горы. Уроков не было, все наставники были в С.-Петербурге. Мы выезжали утром в открытом экипаже, запряженном четверкой крепких горных лошадей. Дух захватывало, когда эти маленькие животные с легкостью брали самые крутые подъемы на горы. Воспоминание о горных поездках воскрешает в моей памяти один эпизод, случившийся за год до моей болезни, во время визита шаха персидского в Тифлис. Этот большой восточный человек, сидя в одном экипаже с моей матерью, во время подъема в горы так испугался, что выскочил из экипажа и в ужасе закричал моей матери: «*Mourez seule!*» (Умри одна!)

Были счастливые для меня дни в Боржоме, когда мы собирали чернику или играли в домино и слушали рассказы о старом Кавказе. Я едва удержался от слез, когда доктор объявил мне, что я поправился и пришла телеграмма, сообщавшая о скором прибытии моих родителей и братьев. Я сознавал, что первый и последний раз в моем детстве я пожил в дружеском общении со взрослыми, которые оказали мне, одинокому мальчику, немного внимания и дали ласку, не видя в этом ничего предосудительного.

Возвратившись в Тифлис, я рассеянно слушал оживленные рассказы моих братьев. Они наперебой восхищались роскошью императорского дворца в С.-Петербурге, но я не променял бы на все драгоценности российской короны время, проведенное в Боржоме. Я мог бы им рас-

сказать, что в то время, как они должны были сидеть навтыжку за высочайшим столом, окруженные улыбающимися царедворцами и подобострастными лакеями, я лежал часами в высокой траве, любясь цветами, росшими красными, голубыми и желтыми пятнами по горным склонам, и следя за полетами жаворонков, которые поднимались высоко вверх и потом камнем падали вниз, чтобы посмотреть на свои гнезда.

Однако я смолчал, боясь, что братья не оценят моего простого счастья.

Тысяча восемьсот семьдесят пятый год полон большого значения в моей детской жизни. Вскоре после Рождества родился мой брат Алексей, а летом я встретил двух людей, которым суждено было сделаться моими лучшими друзьями на всю жизнь.

Родители прибегали ко всяческим предосторожностям, чтобы скрыть от нас тайну рождения брата. Очевидно, мы должны были сочетать в себе основательное знание артиллерии с искренней верой в аиста.

Пальба 101 орудия очень удивила нас.

– Господу Богу было угодно, – возвестил нам наш воспитатель, – даровать их императорским высочествам сына.

На другой день нам разрешили войти в покои матери и посмотреть на новорожденного брата. Все улыбались и думали, что мы, мальчики, будем ревновать его к матери. Братья молчали, я же был преисполнен самых нежных чувств по отношению к маленькому. Я втайне надеялся, что к тому времени, когда он вырастет, все наши наставники уже закончат на земле свое бременное существование. Глядя на красное, сморщенное лицо новорожденного, я чувствовал к нему жалость.

Три недели спустя состоялось таинство крещения. Ему предшествовал большой парад войск гарнизона. Играла музыка, толпа кричала «ура», в то время как старая придворная дама несла ребенка на руках в церковь в сопровождении целого штата военных и гражданских чинов в полной парадной форме.

Маленький Алексей тихо лежал на шелковой подушке в длинной кружевной рубашке, перевитой голубой лентой ордена Св. Андрея Первозванного. Когда его окунали в воду, он жалобно закричал. Архиепископ читал особую молитву. Потом в том же порядке Алексея понесли обратно в покои матери. Ни мать, ни отец, согласно обычаю православной церкви, не могли присутствовать при крещении. Брат Алексей умер двадцати лет от роду от скоротечной чахотки. Хотя я и был близок к нему более остальных членов нашей семьи, я не жалел о его кончине. Высоко одаренный юноша, с чуткой и свободолюбивой душой, он страдал в обстановке дворцовой жизни.

Той весной мы покинули Тифлис ранее обычного, чтобы провести шесть недель в крымском имении нашего дяди. На пристани в Ялте нас встретил сам государь император, который, шутя, сказал, что хочет видеть самого дикого из своих кавказских племянников. Он ехал в коляске впереди нас по дороге в знаменитый Ливадийский дворец, известный своей роскошной растительностью.

Длинная лестница вела от дворца прямо к Черному морю. В день нашего приезда, прыгая по мраморным ступенькам, полный радостных впечатлений, я налетел на улыбавшегося мальчика моего возраста, который гулял с няней, державшей ребенка на руках. Мы внимательно осмотрели друг друга. Мальчик протянул мне руку и сказал:

– Ты, должно быть, мой кузен Сандро? Я не видел тебя в прошлом году в Петербурге. Твои братья говорили мне, что у тебя скарлатина. Ты не знаешь меня? Я твой кузен Ники, а это моя маленькая сестра Ксения.

Его добрые глаза и милая манера обращения удивительно располагали к нему. Мое предубеждение в отношении всего, что было с севера, внезапно сменилось желанием подружиться именно с ним. По-видимому, я тоже понравился ему, потому что наша дружба, начавшись с этого момента, длилась сорок два года. Старший сын наследника цесаревича Алек-

сандра Александровича, он взошел на престол в 1894 году и был последним представителем династии Романовых, который правил Россией.

Я часто не соглашался с его политикой и хотел, чтобы он проявлял больше осмотрительности в выборе высших должностных лиц и больше твердости в проведении своих замыслов в жизнь. Но все это касалось «Императора Николая II» и совершенно не затрагивало моих отношений с «кузеном Ники».

Ничто не может изгладить из моей памяти образа жизнерадостного мальчика в розовой рубашке, который сидел на мраморных ступеньках длинной Ливадийской лестницы и следил, жмурясь от солнца, своими удивительной формы глазами за далеко плывшими по морю кораблями. Я женился на его сестре Ксении девятнадцать лет спустя.

На десятом году жизни я вступил в третий год моего учения, что означало, что новый курс наук и строевых занятий будет прибавлен к моим прежним обязанностям. Оставаясь все время в обществе взрослых и слыша от них постоянно о тяжелой ответственности, ожидающей великого князя, я стал рано задумываться над вопросами, являющимися уделом более зрелого возраста. Как это ни покажется странным, но мое эмоциональное, духовное и умственное развитие на несколько лет опередило период сексуального пробуждения. Оно дало себя почувствовать только в 1882 году, когда мои родители переехали в С.-Петербург окончательно и я начал посещать балет. До того времени, быть может, вследствие строгого воспитания я был целомудрен и в желаниях, и в помыслах. Изучение Ветхого Завета, так легко поражающего воображение ребенка, имело на ход моих мыслей совершенно обратное действие. Абсолютно не сознавая сексуального смысла некоторых событий, я испытывал величайшее волнение по поводу грехопадения Адама и Евы, не уясняя себе его строго легального значения. Я находил страшной несправедливостью изгнание этих двух невинных людей из рая. Во-первых, Господь Бог должен был повелеть дьяволу оставить их в покое, а во-вторых, для чего он сотворил этот злополучный плод, причинивший всему человечеству такие муки?

Отец Титов, относившийся несколько подозрительно ко мне со дня моей первой исповеди, напрасно старался защитить в моих глазах Ветхий Завет. Он оставил меня временно в покое, молясь о спасении моей души от тьмы неверия, но, в конце концов, потерял терпение и пригрозил доложить обо всем моему отцу. Последнее убило во мне всякий интерес к урокам Закона Божьего, и я перенес весь арсенал моих вопросов и сомнений на уроки географии и естественной истории.

Как большинство моих сверстников, я мечтал о побеге в Америку и выучил наизусть названия всех штатов, городов и рек Соединенных Штатов. Я не давал ни отдыха, ни срока адмиралу Веселаго, которого считал экспертом по американским делам, так как он принимал участие в русской морской демонстрации, проведенной по повелению императора Александра II в 1863 году в американских территориальных водах как протест по поводу вмешательства Англии в американскую гражданскую войну. Меня более всего интересовало, мог ли мальчик без особого вооружения безопасно разгуливать по улицам Нью-Йорка.

Полвека спустя, обмениваясь воспоминаниями детства с моим покойным другом Майроном Герриком, я был глубоко тронут его рассказами о том впечатлении, которое произвело на общественное мнение Западной Америки появление в американских водах русской эскадры.

– Я знаю, – рассказывал Геррик, – что это был самый трагический момент в истории нашего союза. Я был слишком молод, чтобы сознательно следить за политическими событиями, но помню, как мать моя ходила с глазами, полными слез. Так как все молодые люди ушли на войну, матери было трудно из-за недостатка рабочих рук на ферме. Однажды я играл на заднем дворе нашей фермы и вдруг услышал крик матери: «Майрон, Майрон, поди сюда сейчас же!». Я бросился на ее зов, думая, что произошло нечто ужасное. Мать стояла посреди ком-

наты с газетой в руках. Слезы радости катились по ее щекам, и она беспрестанно повторяла: «Майрон, мы спасены! Русские прибыли! Майрон, мы спасены!». В то время я очень мало знал о народах, живущих вне Соединенных Штатов. Существовали коварные англичане, которых надо остерегаться, еще были французы, написавшие те гадкие книжки, о которых часто говорили у нас в универмаге. Но кто такие русские? «Мама, – спросил я, – они похожи на индейцев? Скальпируют ли они людей?»

– Очень жаль, – заключил свою беседу Геррик, – что вам не удалось бежать в Америку. Если бы вы добрались благополучно до Огайо и застали меня на ферме, мы могли бы рассказать друг другу массу интересных вещей.

Начиная с осени 1876 года центром разговоров за нашим обеденным столом была неизбежность войны с Турцией. Все остальные темы были позабыты, так как каждый сознавал, что близость к турецкой границе поставит нашу кавказскую армию в необходимость действовать быстро. Приезжавшие из Петербурга гости в ярких красках описывали зверства турков в славянских странах. Несколько офицеров из свиты моего отца просили разрешения зачислиться добровольцами в болгарскую армию.

Наши средневековые военные упражнения получили для нас новый смысл. Мы обсуждали, как бы нам пришлось действовать, если бы турки осадили Тифлис и дворец наместника. Мы завидовали брату Николаю, потому что ему исполнилось восемнадцать лет – возраст, когда он мог вступить в действующую армию и покрыть себя славой героя. Нам же внушали, что война и слава – это одно и то же. Никто не говорил нам о страданиях нашей Родины во время Отечественной и Крымской войн. Мы наизусть знали имена генералов, награжденных орденами Св. Георгия Победоносца, и дрожали, слушая повествования о героизме защитников Севастополя. Наши наставники не считали при этом нужным сообщать нам о страданиях раненых в госпиталях, о нужде в перевязочном материале, о тяжких людских потерях нашей армии, об умерших от тифа. Тема смерти никогда не обсуждалась в нашем присутствии. Наши царственные предки никогда не «умирали». Они «почивали в Бозе».

В это время в Тифлисе произошло дерзкое убийство. Обоих бандитов, виновных в этом преступлении, быстро поймали, судили и приговорили к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение на пригорке, невдалеке от дворца. Войдя в утро казни в нашу классную комнату, мы увидели всех наших наставников, которые в крайнем возбуждении смотрели на что-то из окна. Вместо того чтобы приказать нам удалиться, они подозвали нас к окну. Не сознавая, в чем дело, мы подошли к окну и увидели это страшное зрелище.

Густая толпа окружала виселицу, глядя на палача, занятого последними приготовлениями. Затем появились две бледные фигуры, которых подталкивали сзади. Мгновение спустя в воздухе мелькнули две пары ног. Я закричал и отвернулся.

– Великий князь Александр никогда не будет хорошим солдатом! – строго заметил наш воспитатель.

Мне хотелось закричать, броситься на него и избить, но отвращение сковало все мои чувства.

Прошло несколько дней, прежде чем эта ужасная картина перестала меня преследовать. Я ходил, как в дурмане, боясь смотреть чрез окна, чтобы не увидеть снова двух повешенных. Я готовил уроки, отвечал на поставленные вопросы, но не мог собраться с мыслями.

Мне казалось, что в душе моей пронесся ураган, который оставил мне обломки всего того, что было в ней посеяно тремя годами упорного труда и учения.

Глава III

Моя первая война

1

Январь 1877 года принес с собою давно ожидавшееся объявление войны между Россией и Турцией. События 1877–1878 гг. кажутся теперь, по прошествии пятидесяти лет, совершенно непонятными: восхищаться ли предусмотрительностью Дизраэли или же сожалеть о простодушии русского правительства? Быть может, было бы правильнее, если бы мы не вмешивались в балканские дела, но какие темные побуждения руководили лордом Биконсфилдом, что он не поверил в искренность всеобщего возмущения в России по поводу поведения турок? Ведь одного слова из Лондона было бы достаточно, чтобы прекратить ряд убийств, подготовленных турецким правительством в славянских странах. Ведь простая предусмотрительность, предвидение ближайшего будущего показали бы английскому правительству те ужасные последствия, которые явились результатом английского участия в балканской неразберихе! При сложившихся обстоятельствах император Александр II считал своим долгом принять вызов Англии, хотя он был и душой, и светлым своим разумом против войны.

Медленно продвигаясь в течение почти двух лет через полудикие балканские земли, русская армия в действительности вела жесточайшую кампанию против Британской империи. Турецкая армия была вооружена отличными английскими винтовками новейшей системы. Генералы султана следовали указаниям английских военачальников, а флот ее величества королевы английской угрожающе появился в водах Ближнего Востока в тот момент, когда взятие Константинополя русской армией являлось вопросом нескольких недель. Русские дипломаты еще раз подтвердили свою репутацию непревзойденной глупости, уговорив императора Александра II принять так называемое дружественное посредничество Бисмарка и тем самым покончить с русско-турецким конфликтом на конгрессе в Берлине.

«Der alte Jude, das ist ein Mann» (Старый еврей – большой человек), – сказал Бисмарк, восторгаясь Дизраэли, когда последнему удалось заставить русскую делегацию принять условия мира, позорные для России, которые впоследствии неизбежно влекли за собой мировую войну. «Старый еврей» в своем желании сохранить в Европе Турецкую империю поднял престиж Берлина в глазах Стамбула и, таким образом, заложил фундамент для происков императора Вильгельма на Ближнем Востоке. Тысячи британских солдат погибли тридцать семь лет спустя в Галлиполи только потому, что Дизраэли хотел причинить неприятности С.-Петербургу в 1878 году. Однако нет оправдания и русской дипломатии, которая, вместо того чтобы нейтрализовать шаг Дизраэли русско-германским союзом, стала способствовать бессмысленному, даже фатальному сближению России с Францией и Великобританией.

2

Мне было в те дни одиннадцать лет, и я переживал все волнения моей первой войны.

Отца назначили Главнокомандующим русской армией, и Тифлис – мирная столица Кавказа – сразу же принял грозный облик стратегического центра.

Мобилизованные солдаты, которые должны были перейти пешком горный хребет, отделявший Европейскую Россию от Южного Кавказа (в то время не было прямого железнодорожного сообщения между Тифлисом и Москвой), ежедневно получали пищу в большом парке нашего дворца, а в его нижнем этаже был открыт госпиталь.

Каждое утро мы сопровождали отца во время его обхода войск, с замиранием сердца слушая его простые, солдатские слова, обращенные к войскам, по вопросу о причинах войны и о необходимости быстрых действий.

Потом настал великий день и для меня, когда мой шефский 73-й Крымский пехотный полк проходил через Тифлис на фронт и должен был мне представиться на смотру.

В шесть часов утра я уже стоял перед зеркалом и с восторгом любовался своей блестящей формой, начищенными сапогами и внушительной саблей. Вокруг себя я чувствовал зависть и недоброжелательство братьев, завидовавших моему торжеству. Они проклинали свою судьбу за то, что движение их шефских полков задерживалось на севере. Они боялись, что каждая победа нашей армии на Балканах будет ставиться в заслугу «полка Сандро».

– Кажется, твои солдаты здорово устали! – сказал мой брат Михаил, глядя через окно на четыре тысячи людей, вытянувшихся фронтом пред дворцом вдоль всего Головинского проспекта.

Я не обратил внимания на его колкое замечание. Мне мои люди показались замечательными. Я решил, что следовало произнести перед своим полком речь, и старался вспомнить подходящие выражения, которые вычитал в истории Отечественной войны.

– Мои дорогие герои!..

Нет, это звучит как перевод с французского.

– Мои славные солдаты!..

Или еще лучше: мои славные братья!

– В чем дело? – спросил отец, входя в комнату и заметив мои позы.

– Он старается воодушевить свой полк, – ответил Михаил.

Нужна была сильная рука моего отца, чтобы остановить справедливое негодование шефа 73-го Крымского пехотного полка.

– Не ссорьтесь, дети! Не дразните Сандро! Никто не ожидает от него речей.

Я был разочарован.

– Но, папа, разве я не должен обратиться к солдатам с речью?

– Пожелай им просто Божьей помощи. Теперь пойдем и помни, что, как бы ты ни был утомлен, ты должен выглядеть веселым и довольным.

К полудню я понял предупреждение отца. Понадобилось четыре часа, чтобы осмотреть все шестнадцать рот полка, который весь состоял из бородатых великанов, забавлявшихся видом своего молодого, полного собственного достоинства шефа. Шестнадцать раз я повторил «Здорово, первая рота!», «Здорово, вторая рота!» и т. д. и слышал в ответ оглушительный рев из двухсот пятидесяти грудей, которые кричали «Здравия желаем!». Я с трудом поспевал за огромными шагами своего отца, который был на голову выше всех солдат, специально подобранных в шефский полк за свой высокий рост. Никогда в жизни я еще не чувствовал себя таким утомленным и счастливым.

– Ты бы отдохнул, – предложила мне мать, когда мы вернулись во дворец.

Но разве я мог думать об отдыхе, когда четыре тысячи моих солдат шли походным порядком прямо на фронт?

Я тотчас же подошел к рельефной карте Кавказа и начал внимательно изучать путь, по которому пойдет 73-й Крымский пехотный полк.

– Я никогда не слышал, чтобы так звенели шпорами, – воскликнул брат Михаил и с презрением вышел из комнаты. Хоть он и был на три года старше меня, я тем не менее перерос его в эту зиму на полтора дюйма, и это его очень беспокоило.

3

Неделю спустя отец уехал на фронт. Мы завидовали отцу и не разделяли горя плакавшей матери. Мы очень гордились им, когда он сидел в широкой коляске, запряженной четверкой лошадей, с шестью казаками, скакавшими сзади, и тремя спереди. Один из них держал в руках значок наместника Кавказского, с большим православным крестом на фоне белых, оранжевых и черных цветов и надписью: «С нами Бог!». Древяно было также украшено массивным золотым крестом. Бесчисленное количество экипажей с генералами и чинами штаба следовало за коляской отца под охраной сотни конвоя. Величавые звуки национального гимна и громовые приветствия толпы усиливали торжественность минуты.

Мы, конечно, не могли и думать о рутине наших ежедневных занятий. Мы интересовались только войной. Нам хотелось говорить только о войне. Строя планы на будущее, мы надеялись, что если война продлится еще два года, то мы сможем принять участие в боевых действиях.

Каждое утро приносило захватывающие новости. Кавказская армия взяла турецкую крепость. Дунайская армия под командованием нашего дяди, великого князя Николая Николаевича-старшего, переправилась через Дунай и двигалась по направлению к Плевне, где должны были произойти самые кровопролитные бои. Император Александр II посетил главную квартиру, раздавая боевые награды многочисленным генералам и офицерам, имена которых мы хорошо знали.

Первая партия турецких пленных прибыла в Тифлис.

Имена многих сподвижников моего отца, в особенности имя генерала Лорис-Меликова, повторялись беспрестанно. Было приятно сознавать, что все эти генералы, бывшие нашими близкими друзьями, вдруг стали национальными героями. С радостью расстались мы с нашим военным воспитателем, который вскоре после объявления войны должен был выехать на фронт, вследствие чего наступило значительное смягчение режима нашего воспитания. Как это ни стыдно признавать, но я втайне надеялся, что шальная турецкая пуля освободит нас навсегда от этого жестокого человека. Однако совесть моя может быть спокойной: он возвратился с фронта целым и невредимым, украшенный боевыми отличиями, но его место при нас уже было занято воспитателем с менее суровым характером.

Была установлена связь при помощи особых курьеров между дворцом наместника и ставкой командующего фронтом в Александрополе, что позволяло нам быть всегда в курсе всех военных новостей. Ежедневно, по прибытии сводки, мы бросались к карте, чтобы передвинуть разноцветные флажки, обозначающие положение на фронте. Сводка не щадила красок, чтобы описать подвиги нашей армии и дать подробные цифры убитых и пленных турок. Турецкие потери звучали в наших ушах сладкой музыкой. Много лет спустя, командуя русским воздушным флотом во время мировой войны, я постиг не совсем обычный механизм издания официальных военных сводок и уже не мог вновь пережить энтузиазма одиннадцатилетнего мальчика, с блеском в глазах следившего за передвижениями русской армии в Турции, не думая о тех гекатомбах человеческих жизней, которые она оставляла на своем пути продвижения. В 1914–1917 гг. я понял, что «тяжелые потери», которые понес «быстро отступающий противник», неизменно сопровождались еще более тяжелыми потерями нашей «славной победоносной армии». Мне кажется, что никто не в состоянии изменить оптимизма официальных реляций, а также психологии военных, способных смотреть хладнокровно на горы трупов в отбитых у противника окопах. С другой стороны, следует признать, что этика войны значительно изменилась за последние сорок лет. Тот налет рыцарства, который был еще замечен в действиях противников в войне 1877–1878 гг., уступил место зверскому взаимоистреблению людей. Достаточно вспомнить Верден с его 400 тыс. убитых! Читая описания кошмарных усло-

вий, в которых протекала жизнь военнопленных во время мировой войны, я всегда вспоминал о той симпатии и том уважении, с которыми мы, русские, обращались в 1877 году с турецкими пленными. Александр II считал долгом дать личную аудиенцию Осману-паше, командиру турецкой армии под Плевной, возвратил пленному паше его саблю и самым высоким образом оценил его мужество и военный гений.

Тридцать семь лет спустя генералу Корнилову, взятому в плен австрийцами, был оказан прием, достойный лишь мелких воришек и обычных преступников.

4

Относительная свобода, которой пользовались я и мои братья за время пребывания наместника на фронте, дала нам, наконец, возможность ознакомиться с различными классами тифлисского населения и их социальным бытом.

При наших посещениях госпиталей, а также на прогулках по улицам мы сталкивались с ужасающей нуждой. Мы видели нищету, страдания и непосильный труд, притаившиеся около самого дворца. Мы слышали рассказы, которые разрушали все наши прежние иллюзии и мечты. То, что я носил голубую шелковую рубашку и красные сафьяновые сапоги, казалось мне теперь постыдным в присутствии мальчиков-однолеток, у которых были рваные рубашки, а ноги – босы. Многие из них голодали; все они проклинали войну, которая лишила их отцов. Мы рассказали о наших впечатлениях воспитателям и просили, чтобы нам дали возможность помочь этим бедным подросткам с изнуренными, серыми лицами. Нам ничего не ответили, но вскоре наши прогулки опять ограничились пределами дворцового парка, хотя эта мера и не стерла в нашей памяти тяжести пережитых впечатлений. Наше сознание вдруг проснулось, и весь мир принял другую окраску.

– Вам, сыновьям великого князя, хорошо живется, – сказал один из наших новых знакомых, – вы все имеете и живете в роскоши.

Мы запомнили эту странную фразу и удивлялись, что такое роскошь? Разве это правда, что мы имеем все, а те, остальные, – ровно ничего?

Перед нашим дворцом мы часто видели одного часового, красивого, веселого парня, который приветствовал нас по утрам широкой улыбкой, как-то не соответствовавшей серьезности момента отдания чести. Мы привыкли к нему, и его внезапное исчезновение заставило нас призадуматься, не послали ли его на фронт? Как-то во время завтрака мы услышали разговор двух офицеров свиты: молодой часовой покончил самоубийством, и найденное при нем письмо с известием о смерти жены явилось единственным объяснением его смерти.

– Вы ведь знаете этих деревенских парней, – говорил один из адъютантов, – они всегда хотят присутствовать при похоронах своих близких, и если им это не удастся, то на них нападает тоска.

Это все, что было сказано про улыбающегося солдата, стоявшего на своем посту в далеком Тифлисе и считавшего дни, которые отделяли его от свидания с женой. Но эта одинокая смерть поразила меня более, чем гибель десятков тысяч русских и турок, о которой говорила официальная сводка. Я постоянно ходил к тому месту, где солдат стоял на часах. Его преемник – ветеран средних лет, чью грудь украшали медали, с любопытством посмотрел на меня. Он взглянул сперва на свои сапоги, затем начал считать пуговицы на мундире, подозревая, что в его форме одежды что-либо не в порядке. Мне хотелось поговорить с ним и спросить, когда он в последний раз видел свою жену. Я знал, что с часовыми разговаривать не полагается, а потому молча стоял пред ним, и мы оба старались прочесть мысли друг друга. Я старался разгадать его горе, он же терзался мыслью о том, не оторвалась ли у него на мундире пуговица. Я уверен, что если бы мне теперь удалось каким-нибудь способом попасть в Тифлис, я бы без труда нашел то место, где русский солдат-часовой в 1878 году оплакивал потерю своей жены.

5

Мир был подписан летом 1878 года, а осенью мы отправились в С.-Петербург на свадьбу моей сестры Анастасии Михайловны с великим герцогом Фридрихом Мекленбург-Шверинским.

Так как это было мое первое путешествие в Европейскую Россию, я волновался больше всех. Не отрываясь от окна вагона, я следил за бесконечной панорамой русских полей, которые показались мне, воспитанному среди снеговых вершин и быстрых потоков Кавказа, разнообразными и грустными. Мне не нравилась эта чуждая мне страна, и я не хотел признавать ее своей родиной. Я видел покорные лица мужиков, бедные деревни, захолустные, провинциальные города, и спустя сутки после того, как наш поезд выехал из Владикавказа (до которого мы добрались в экипажах), меня стало неудержимо тянуть обратно в Тифлис. Отец заметил мое разочарование.

– Не суди обо всей России по ее провинции, – заметил он, – вот скоро увидишь Москву с ее 1600 церквями и Петербург с гранитными дворцами.

Я глубоко вздохнул. Мне пришлось уже столько слышать о храмах Кремля и о роскоши Императорского дворца, что я заранее был уверен, что они мне не понравятся.

Мы остановились в Москве, чтобы поклониться чудотворной иконе Иверской Божьей Матери и мощам святых Кремля, что являлось официальным долгом каждого члена императорской фамилии, проезжавшего через Москву.

Иверская часовня, представлявшая собой старое, маленькое здание, была переполнена народом, который хотел посмотреть на наместника и его семью. Тяжелый запах бесчисленных свечей и громкий голос диакона, читавшего молитву, нарушили во мне молитвенное настроение, которое обычно навеивает на посетителей чудотворная икона. Мне казалось невозможным, чтобы Господь Бог мог избрать подобную обстановку для откровения своим чадам святых чудес. Во всей службе не было ничего истинно христианского. Она скорее напоминала мрачное язычество. Боясь, что меня накажут, я притворился, будто молюсь, но был уверен, что мой Бог, Бог золотистых полей, дремучих лесов и журчащих водопадов, никогда не посетит Иверскую часовню.

Потом мы поехали в Кремль и поклонились мощам святых, почивавших в серебряных раках и закутанных в серебряные и золотые ткани. Пожилой монах в черной рясе водил нас от одной раки к другой, поднимая крышки и показывая место, куда надлежало прикладываться. У меня разболелась голова. Еще немного в этой душной атмосфере и я упал бы в обморок.

Я не хочу кощунствовать и тем более оскорблять чувства верующих православных. Я просто описываю этот эпизод, чтобы показать, какое ужасное впечатление оставил средневековый обряд в душе мальчика, искавшего в религии красоты и любви. Со дня моего первого посещения Первопрестольной и в течение последовавших сорока лет я по крайней мере несколько сот раз целовал в Кремле мощи святых. И каждый раз я не только не испытывал религиозного экстаза, но переживал глубочайшее нравственное страдание. Теперь, когда мне исполнилось шестьдесят пять лет, я глубоко убежден, что нельзя почитать Бога так, как нам это завещали наши языческие предки.

Линия Москва – Петербург, протяжением в 605 верст, была оцеплена войсками. В течение всего пути мы видели блеск штыков и солдатские шинели. Ночью тысячи костров освещали наш путь. Сперва мы думали, что это входило в церемониал встречи наместника Кавказского, но потом мы узнали, что государь император предполагал в ближайшем будущем посетить Москву, а потому правительством были приняты чрезвычайные меры по охране его поезда от покушений злоумышленников. Это несказанно огорчило нас. По-видимому, политическая обстановка принимала крайне напряженный характер, если для поезда императора

необходимо было охранять каждую пядь дороги между двумя столицами. Это было так непохоже на то время, когда Николай I путешествовал почти без охраны по самым глухим местам нашей необъятной империи. Отец был очень огорчен и не мог скрыть своего волнения.

Мы приехали в Петербург как раз в период туманов, которым позавидовал бы Лондон. Лампы и свечи горели по всему дворцу. В полдень становилось так темно, что я не мог разглядеть потолка в моей комнате.

– Ваша комната приятна тем, – объяснил нам наш воспитатель, – что, когда туман рассеется, вы увидите напротив через Неву Петропавловскую крепость, в которой погребены все русские государи.

Мне стало грустно. Мало того, что предстояло жить в этой столице туманов, так еще в соседстве с мертвецами. Слезы показались у меня на глазах. Как я ненавидел Петербург в это утро. Даже и теперь, когда я тоскую по родине, то всегда стремлюсь увидеть вновь Кавказ и Крым, но совершенно искренно надеюсь никогда уже более не посетить прежнюю столицу моих предков.

Мне вспоминается, как я спорил на эту тему с родителями. Они любили Петербург, где провели первые счастливые годы своей супружеской жизни, но не могли вместе с тем порицать и моего пристрастия к Кавказу. Они соглашались с тем, что, в то время как Кавказ своей величавой красотой успокаивает и радует душу, Петербург неизбежно навеивает давящую тоску.

6

Все большие семьи страдают от чрезмерного честолюбия их мужских представителей. В этом отношении русская императорская семья не являлась исключением.

Во время моего первого пребывания в Петербурге в 1879 году она насчитывала почти два десятка молодых людей мужского пола.

У императора Александра II было пять сыновей: Александр (будущий император Александр III), Владимир, Алексей, Сергей и Павел.

Его брат, великий князь Михаил Николаевич (мой отец), имел шестерых сыновей: Николая, Михаила, Георгия, Александра, Сергея и Алексея Михайловичей.

Его второй брат, великий князь Николай Николаевич, имел двух сыновей: Николая (Николая Николаевича-младшего, ставшего в 1914 году верховным главнокомандующим) и Петра Николаевичей.

Его третий брат, великий князь Константин Николаевич, имел четырех сыновей: Константина, Дмитрия, Николая и Вячеслава Константиновичей.

Два старших сына императора: наследник цесаревич и великий князь Александр Александрович и великий князь Владимир Александрович, женились рано, и у каждого было по три сына. У наследника: Николай (Ники) – будущий император Николай II, Георгий (Жорж, умерший в июне 1899 г. в Аббас-Тумане) и Михаил – от брака с принцессой Дагмарой Датской. У великого князя Владимира Александровича от брака с Марией, герцогиней Мекленбург-Шверинской: Кирилл, Борис и Андрей. Это были представители молодого поколения династии.

За исключением наследника и его трех сыновей, наиболее близких к трону, остальные мужские представители императорской семьи стремились сделать карьеру в армии и на флоте и соперничали друг с другом. Отсюда существование в императорской семье нескольких партий и, несмотря на близкое родство, некоторая взаимная враждебность. Вначале мы, «кавказцы», держались несколько особняком от «северян»: считалось, что мы пользовались особыми привилегиями у нашего дяди – царя. Мы же обвиняли «северян» в смешном высокомерии. У нас пятерых были свои любимцы и враги. Мы все любили будущего императора Николая II и его брата Георгия и не доверяли Николаю Николаевичу. Вражда между моим старшим братом Николаем Михайловичем и будущим главнокомандующим русской армии Николаем Никола-

евичем – вражда, начавшаяся со дня их первой встречи еще в детские годы, – внесла раздор в отношения молодых членов императорской семьи: им приходилось выбирать, кого они поддерживают и с кем дружат – с высоким Николашей или с начитанным Николаем Михайловичем.

Хотя я и был новичком в области придворных взаимоотношений, еще задолго до нашей встречи, которая произошла в 1879 году, я начал относиться неприязненно к врагу моего старшего брата. Когда же я его увидел впервые на одном из воскресных семейных обедов в Зимнем дворце, то не нашел причины изменить свое отношение к нему. Все мои родные без исключения сидели за большим столом, уставленным хрусталем и золотой посудой: император Александр II, мягкость доброй души которого отражалась в его больших, полных нежности глазах; наследник цесаревич – мрачный и властный, с крупным телом, которое делало его значительно старше своих тридцати четырех лет; суровый, но изящный великий князь Владимир; великий князь Алексей – общепризнанный повеса императорской семьи и кумир красавиц Вашингтона, куда он имел обыкновение ездить постоянно; великий князь Сергей, сноб, который отталкивал всех скукой и презрением, написанным на его юном лице; великий князь Павел – самый красивый и самый демократичный из всех сыновей государя.

Четыре Константиновича группировались вокруг своего отца великого князя Константина Николаевича, который из-за своих либеральных политических взглядов был очень непопулярен у старших членов семьи.

И наконец, наш «враг» Николаша. Самый высокий мужчина в Зимнем дворце, и это действительно было так, ибо средний рост представителей царской династии был шесть футов с лишком. В нем же было без сапог шесть футов пять дюймов, так что даже мой отец выглядел значительно ниже его. В течение всего обеда Николаша сидел так прямо, словно каждую минуту ожидал исполнения национального гимна. Время от времени он бросал холодный взгляд в сторону «кавказцев» и потом быстро опускал глаза, так как мы все как один встречали его враждебными взглядами.

К концу этого обеда мои симпатии и антипатии установились: я решил завязать дружбу с Ники и с его братом Георгием, с которым был уже знаком во время нашего пребывания в Крыму. Точно так же я был не прочь избрать товарищами моих игр великих князей Павла Александровича и Дмитрия Константиновича. Что же касается остальных великих князей, то я решил держаться от них подальше, насколько мне позволят этикет и вежливость. Глядя на гордые лица моих кузенов, я понял, что у меня есть выбор между популярностью в их среде и независимостью моей личности. И произошло так, что не только осенью 1879 года, но и в течение всей моей жизни в России я имел очень мало общего с членами императорской семьи, за исключением императора Николая II и его сестер и моих братьев. Бедный Георгий умер от скоротечной чахотки у нас под Боржомом. Великий князь Павел (отец великой княгини Марии Павловны-младшей) заключил в 1902 году морганатический брак и должен был покинуть пределы России. Что же касается великого князя Дмитрия Константиновича, то в нем с ранних лет развился интерес исключительно к лошадям и к военной службе, что не могло способствовать установлению между нами близких отношений, хотя мы и были хорошими друзьями.

Когда-нибудь романист, обладающий талантом Золя, который не побоится потратить долгие годы на архивные изыскания, изберет историю последних Романовых в качестве сюжета для большого романа-хроники, и это будет произведением не менее замечательным, чем «История Ругон-Маккаров». Отцы и сыновья, кузены и братья, дяди и племянники – мы были между собой так непохожи характерами, наклонностями и интересами, что почти невозможно поверить, что всего какие-нибудь сорок лет и два царствования прошли между смертью железного правителя Европы Николая I и вступлением на престол его несчастного правнука, последнего русского царя Николая II.

7

Брак моей сестры Анастасии послужил как бы прологом к расколу нашей семьи. Три старших брата начали службу в гвардии, нужно было принять решение и о моей дальнейшей судьбе. Во всяком случае, мне стало ясно, что мы скоро все будем друг с другом разлучены. Анастасия первая начала взрослую, самостоятельную жизнь. Высокая, стройная и темноволосая, в тяжелом платье из серебряной парчи (традиционном для великих княгинь), она была изумительно хороша, когда император Александр II повел ее во главе свадебного шествия, в котором приняли участие представители всех царствующих домов Европы, через сады Зимнего дворца в дворцовую церковь. Сейчас же вслед за венчанием по православному обряду состоялось второе – по протестантскому. Таким образом были удовлетворены и русский, и германский императоры, а их родственники, великая княжна Анастасия Михайловна и герцог Фридрих Мекленбург-Шверинский, были дважды в течение сорока минут соединены брачными узами.

Семейный завтрак, поданный после второй брачной церемонии, и большой торжественный обед заполнили программу дня. Следующее утро было посвящено приему иностранных дипломатов, придворных и представителей духовенства. Потом состоялся еще один семейный обед. Только к концу второго дня жених и невеста могли сесть в специальный поезд, который должен был доставить их в Германию. Раздался свисток, почетный караул отдал честь, и мы потеряли из виду нашу Анастасию. Мать плакала, отец взволнованно теребил перчатку. Суровый закон, предписывающий членам царствующего дома вступать в браки с равными по крови членами иностранных династий, впервые поразил нашу семью. Этот закон тяготел над нами вплоть до 1894 года, когда я первый его нарушил, женившись на великой княжне Ксении, дочери моего двоюродного брата, императора Александра III.

Брак сестры Анастасии был поводом для отъезда моей матери весной за границу. Официальным предлогом этой поездки было ее желание, чтобы мы познакомились с ее братом, великим герцогом Баденским, неофициальным – мать мечтала повидать свою любимую дочь. В течение четырех месяцев тысячи верст будут отделять нас от нашего любимого Кавказа. Напрасно я пробовал прибегнуть ко всевозможным хитростям, чтобы остаться в Тифлисе, – родители не хотели считаться с моими желаниями. Так, летом 1880 года в Бадене я впервые встретил представителей нации, которым было суждено занять такое значительное место в моей жизни. Невдалеке от герцогского дворца, в парке, играли в теннис две хорошенькие молодые американки. Я влюбился в обеих сразу и не мог решить, которая из них мне больше нравится. Однако это не могло ни к чему привести, так как мне было строжайшим образом запрещено разговаривать с кем-либо из американцев, и за этим строго следил адъютант великого герцога. Девушки заметили мои влюбленные взгляды и, не имея представления о суровом приказе моей матери, решили, что я или застенчив, или же глуп. Каждый раз, когда они оканчивали трудный сэт, они садились на скамейку неподалеку от того места, где я стоял. Громко разговаривая, они делали замечания, которые мало щадили мое мужское самолюбие.

– Что такое с этим мальчиком, – говорила более высокая из них, – неужели он глухонемой? Может быть, нам придется изучить язык глухонемых?

Я молил Бога, чтобы этот проклятый адъютант оставил меня хоть на минуту в покое, дабы я мог опровергнуть убеждение этих прелестных барышень в отсутствии у меня дара речи, но немецких офицеров учат в точности исполнять приказания. В случае надобности он был способен простоять около меня, не отходя, круглые сутки. Мои робкие попытки улыбнуться незнакомкам стали вскоре известны во дворце и явились поводом к тому, что два моих брата и немецкие кузены, под предводительством будущего рейхсканцлера Макса Баденского, стали меня беспощадно дразнить. Я начал находить под подушкой коротенькие записки, написанные

рукой Михаила или Георгия, но подписанные «Любящие вас американские девушки». Маленькие американские флажки втыкались мне на пальто или же, когда я входил в гостиную, меня встречали звуками популярного американского марша, который играл один из моих мучителей на рояле. Только после двух недель молчаливой борьбы я уступил и стал держаться подальше от теннисной площадки в течение всего остального нашего пребывания в Баден-Бадене.

К началу осени мы возвратились в Тифлис.

Глава IV

Княгиня Юрьевская

1

Зимой 1880 года, в один из туманных, тихих вечеров сильный взрыв потряс здание Зимнего дворца. Было повреждено помещение, которое занимал караул л. – гв. Финляндского полка; было убито и ранено 40 офицеров и солдат. Это произошло как раз в тот момент, когда церемониймейстер появился на пороге столовой и объявил: «Его Величество!»

Маленькая неточность в расчете адской машины, помещенной в фундаменте дворца, спасла личные покои царя от разрушения. Было разбито только немного посуды и выбито несколько стекол в окнах.

Судебное расследование обнаружило совпавшее со взрывом внезапное исчезновение из дворца одного недавно нанятого камер-лакея. Последний, по-видимому, принадлежал к партии, которая получила название партии нигилистов – людей, задавшихся целью уничтожения, ниспровержения существующего строя и форм жизни и являвшихся, в сущности, зародышем будущего большевизма. Партия эта начала свою террористическую деятельность в семидесятых годах и значительно усилила ее после введения императором Александром II суда присяжных, который почти всегда заранее обеспечивал этим господам полное оправдание за их преступления и убийства. Так и после покушения Веры Засулич, пытавшейся убить в 1878 году петербургского генерал-губернатора Трепова, русское общество впервые услышало, как представитель судебной власти в своем резюме произнес красноречивую речь в защиту нигилизма.

Писатели, студенты, доктора, адвокаты, банкиры, купцы и даже крупные государственные деятели играли в либерализм и мечтали об установлении республиканского строя в России, стране, в которой только девятнадцать лет пред тем было уничтожено крепостное право.

Восемьдесят пять процентов русского народа было еще неграмотно, а наша нетерпеливая интеллигенция требовала немедленного всеобщего избирательного права для созыва Учредительного Собрания. Готовность монарха пойти на уступки еще более возбуждала аппетиты будущих «премьер-министров», а пассивность полиции поощряла развитие самых смелых революционных планов.

Идея царевубийства носилась в воздухе. Никто не чувствовал ее острее, чем Ф.М.Достоевский, на произведения которого теперь можно было смотреть, как на удивительные пророчества грядущего большевизма. Незадолго до смерти, в январе 1881 года, Достоевский в разговоре с издателем «Нового Времени» А.С.Сувориным заметил с необычайной искренностью:

– Вам кажется, что в моем последнем романе «Братья Карамазовы» было много пророческого? Но подождите продолжения. В нем Алеша уйдет из монастыря и сделается нигилистом. И мой чистый Алеша – убьет царя...

2

При известии о покушении в Зимнем дворце отец сразу собрался в Петербург. В такое время он не мог оставаться вдали от своего любимого царственного брата. Нам было велено готовиться провести эту зиму в столице.

Тяжелые тучи нависли над всей страной. Торжественные встречи, устроенные нам властями по пути нашего следования на север, не могли скрыть всеобщей тревоги. Все понимали, что покушения на государя, ставшие хроническим явлением, прекратятся лишь тогда, когда

более твердая рука станет у власти. Многие предполагали, что мой отец должен взять на себя полномочия диктатора, ибо все уважали в нем твердость убеждений и бесстрашие солдата.

Но мало кто из русского общества сознавал, что даже самые близкие и влиятельные члены императорской семьи должны были в то время считаться с влиянием на государя посторонней женщины. Мы, дети, узнали о ее существовании накануне прибытия нашего поезда в Петербург, когда нас вызвали в салон-вагон к отцу.

Войдя, мы тотчас же поняли, что между нашими родителями разногласие. Лицо матери было покрыто красными пятнами, отец курил, размахивая длинной, черной сигарой, что бывало чрезвычайно редко в присутствии матери.

– Слушайте, дети, – начал отец, поправляя на шее ленту ордена Св. Георгия Победоносца, полученного им за покорение Западного Кавказа, – я хочу вам что-то сказать, пока мы еще не приехали в С.-Петербург. Будьте готовы встретить новую императрицу на первом же обеде во дворце.

– Она еще не императрица! – горячо перебила моя мать. – Не забывайте, что настоящая императрица умерла всего только десять месяцев тому назад!

– Дай мне кончить... – резко перебил отец, повышая голос. – Мы все – верноподданные нашего государя. Мы не имеем права критиковать его решения. Каждый великий князь должен также исполнять его приказы, как последний рядовой солдат. Как я уже начал вам объяснять, дети, ваш дядя государь удостоил браком княжну Долгорукую. Он пожаловал ей титул княгини Юрьевской до окончания траура по вашей покойной тетушке императрице Марии Александровне. Княгиня Юрьевская будет коронована императрицей. Теперь же вам следует целовать ей руку и оказывать то уважение, которое этикет предписывает в отношении супруги царствующего императора. От второго брака государя есть дети, трое: мальчик и две девочки. Будьте добры к ним.

– Вы, однако, слишком далеко заходите, – сказала матушка по-французски, с трудом сдерживая свой гнев.

Мы пятеро переглядывались. Тут я вспомнил, что во время нашего последнего пребывания в Петербурге нам не позволили подходить к ряду апартаментов в Зимнем дворце, в которых, мы знали, жила одна молодая красивая дама с маленькими детьми.

– Сколько лет нашим кузенам? – прервал вдруг молчание мой брат Сергей, который даже в возрасте одиннадцати лет любил точность во всем.

Отцу этот вопрос, по-видимому, не понравился.

– Мальчику семь, девочкам шесть и четыре года, – сухо сказал он.

– Как же это возможно?.. – начал было Сергей, но отец поднял руку:

– Довольно, мальчики! Можете идти в ваш вагон.

Остаток дня мы провели в спорах о таинственных событиях в Зимнем дворце. Мы решили, что, вероятно, отец ошибся и что, по-видимому, государь женат на княгине Юрьевской значительно дольше, чем 10 месяцев. Но тогда неизбежно выходило, что у него были две жены одновременно. Причину отчаяния моей матери я понял значительно позже. Она боялась, что вся эта история дурно повлияет на нашу нравственность: ведь ужасное слово «любовница» было до тех пор совершенно исключено из нашего обихода.

3

Сам старый церемониймейстер был заметно смущен, когда в следующее после нашего приезда воскресенье вечером члены императорской семьи собрались в Зимнем дворце у обеденного стола, чтобы встретиться с княгиней Юрьевской. Голос церемониймейстера, когда он постучал три раза об пол жезлом с ручкой из слоновой кости, звучал неуверенно.

– Его Величество и светлейшая княгиня Юрьевская!

Мать моя смотрела в сторону, а моя будущая теща, жена наследника престола Мария Федоровна, потупилась...

Император быстро вошел, ведя под руку молодую красивую женщину. Он весело кивнул моему отцу и окинул испытующим взглядом могучую фигуру наследника. Вполне рассчитывая на полную лояльность своего брата (нашего отца), он не имел никаких иллюзий относительно взгляда наследника на этот второй его брак. Княгиня Юрьевская любезно отвечала на вежливые поклоны великих княгинь и князей и села рядом с императором в кресло покойной императрицы. Полный любопытства, я не спускал с княгини Юрьевской глаз. Мне понравилось выражение ее грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос. Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась к императору, и он успокаивающе поглаживал ее руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая ее попытка принять участие в общем разговоре встречалась вежливым, холодным молчанием. Я жалел ее и не мог понять, почему к ней относились с презрением за то, что она полюбила красивого, веселого, доброго человека, который, так получилось, был императором?

Долгая совместная жизнь несколько не уменьшила их взаимного обожания. В шестьдесят четыре года Александр II держал себя с нею, как восемнадцатилетний мальчик. Он нашептывал слова одобрения в ее маленькое ушко. Он интересовался, нравятся ли ей вина. Он соглашался со всем, что она говорила. Он смотрел на всех нас с дружеской улыбкой, как бы приглашая радоваться его счастью, шутил со мною и моими братьями, страшно довольный тем, что нам, молодым, княгиня, по крайней мере, понравилась.

К концу обеда гувернантка ввела в столовую их троих детей.

– А вот и мой Гога! – воскликнул гордо император, поднимая в воздух веселого мальчугана и сажая его на плечо. – Скажи-ка нам, Гога, как тебя зовут?

– Меня зовут князь Георгий Александрович Юрьевский, – ответил Гога и начал возиться с бакенбардами императора, теребя их ручонками.

– Очень приятно познакомиться, князь Юрьевский! – шутил государь. – А не хочется ли вам, молодой человек, сделаться великим князем?

– Саша, ради Бога, оставь! – нервно сказала княгиня.

Этой шуткой Александр II как бы пробовал почву среди родственников по вопросу об узаконении своих морганатических детей. Княгиня Юрьевская пришла в величайшее смущение и, в первый раз забыв об этикете двора, во всеуслышание назвала своего супруга уменьшительным именем.

К счастью, маленький Гога был слишком занят исполнением роли парикмахера Его Величества, чтобы задумываться над преимуществами императорского титула, да и царь не настаивал на ответе. Одно было ясно: император решил игнорировать недовольство членов императорской фамилии и хотел из этого первого семейного обеда устроить веселое воскресенье для своих детей. После обеда состоялось представление итальянского фокусника, а затем самые юные из нас отправились в соседний салон с Гогой, который продемонстрировал свою ловкость в езде на велосипеде и в катании на коврике с так называемых русских горок. Мальчуган старался подружиться со всеми нами и в особенности с моим двоюродным племянником Ники (будущим императором Николаем II), которого очень забавляло, что у него, тринадцатилетнего, есть семилетний дядя.

На обратном пути из Зимнего дворца мы были свидетелями новой ссоры между родителями:

– Что бы ты ни говорил, – заявила моя мать, – я никогда не признаю эту авантюристку. Я ее ненавижу! Она достойна презрения. Как смеет она в присутствии всей императорской семьи называть твоего брата Сашей.

Отец вздохнул и в отчаянии покачал головой.

– Ты не хочешь понять до сих пор, моя дорогая, – ответил он кротко, – хороша она или плоха, но она замужем за государем. С каких пор запрещено женам называть уменьшительным именем своего законного мужа в присутствии других? Разве ты называешь меня «Ваше Императорское Величество?»

– Как можно делать такие глупые сравнения! – сказала моя мать со слезами на глазах. – Я не разбила ничьей семьи. Я вышла за тебя замуж с согласия твоих и моих родителей. Я не замышляю гибель империи.

– Я запрещаю, – он делал при этом ударение на каждом слове, – повторять эти позорные сплетни! Будущей императрице вы и все члены императорской семьи, включая наследника и его супругу, должны и будете оказывать полное уважение! Это вопрос конченный!

Где я видел княгиню Юрьевскую? – спрашивал я себя, прислушиваясь к разговору родителей. И в моей памяти воскресла картина придворного бала в один из прошлых наших приездов в С.-Петербург.

Громадные залы Зимнего дворца были украшены орхидеями и другими тропическими растениями, привезенными из императорских оранжерей. Бесконечные ряды пальм стояли на главной лестнице и вдоль стен галерей. Восемьсот служащих и рабочих две недели трудились над украшением дворца. Придворные повара и кондитеры старались перещеголять один другого в изготовлении яств и напитков.

Мне разрешили надеть на бал форму 73-го Крымского пехотного полка, шефом которого я состоял от рождения, и я важно выступал между кавалергардами в касках с двуглавым орлом, которые стояли при входе в зал.

Весь вечер я старался держаться подальше от родителей, чтобы какое-нибудь неуместное замечание не нарушило моего великолепия.

Высочайший выход открыл бал. Согласно церемониалу, бал начинался полонезом. Государь шел в первой паре рука об руку с цесаревной Марией Федоровной, за ним следовали великие князья и великие княгини в порядке старшинства. Так как великих княгинь, чтобы составить пары, было недостаточно, младшие великие князья, как я, должны были идти в паре с придворными дамами. Моя дама была стара и помнила детство моего отца. Наша процессия не была, собственно говоря, танцем в совершенном значении этого слова. Это было торжественное шествие с несколькими камергерами впереди, которые возвещали наше прохождение через все залы Зимнего дворца. Мы прошли три раза через залы, после чего начались танцы. Кадриль, вальс и мазурка были единственными танцами того времени, допущенными этикетом.

Когда пробила полночь, танцы прекратились, и государь в том же порядке повел всех к ужину. Танцующие, сидящие и проходящие через одну из зал часто поднимали глаза на хоры, показывали на молодую, красивую даму и о чем-то перешептывались. Я заметил, что государь часто смотрел на нее, ласково улыбаясь. Это и была княгиня Юрьевская.

Граф Лорис-Меликов часто покидал залу. Возвращаясь, он каждый раз подходил к государю и что-то докладывал ему. По-видимому, темой его докладов были те чрезвычайные меры охраны, которые были приняты по случаю бала. Их разговор заглушался пением артистов Императорской оперы, которые своей программой, составленной из красивых, но грустных мелодий, усиливали напряженность атмосферы и навевали тоску. Как бы то ни было, но низким басам и высоким сопрано не удалось согнать бодрой улыбки с лица государя.

Государь удалился сейчас же после ужина. Танцы возобновились, но моя дама заснула. Я пробежал по залам, чтобы поговорить по душам с бывшим адъютантом моего отца, только что прибывшим из Тифлиса. Я жаждал услышать новости о милom Кавказе, где можно было спать спокойно. Двухмесячное пребывание в С.-Петербурге приучило меня слышать взрыв в каждом подозрительном шорохе.

4

Губительное влияние княгини Юрьевской явилось темой всех разговоров зимою 1880/81 года. Члены императорского дома и представители петербургского общества открыто обвиняли ее в намерении передать диктаторские полномочия ее любимцу графу Лорис-Меликову и установить в империи конституционный образ правления.

Как всегда бывает в подобных случаях, женщины были особенно безжалостны к матери Гоги. Руководимые уязвленным самолюбием и ослепленные завистью, они спешили из одного великосветского салона в другой, распространяя самые невероятные слухи и поощряя клевету. Факт, что княгиня Юрьевская (Долгорукая) принадлежала по рождению к одному из стариннейших русских родов Рюриковичей, делал ее положение еще более трудным, ибо неугомонные сплетники распространили фантастические слухи об исторической вражде между Романовыми и Долгорукими. Они передавали легенду, как какой-то старец 200 лет тому назад предсказал преждевременную смерть тому из Романовых, который женится на Долгорукой. В подтверждение этой легенды они ссылались на трагическую кончину Петра II. Разве он не погиб в день, назначенный для его бракосочетания с роковой княжной Натальей Долгорукой? И разве не было странным то, что лучшие доктора не могли спасти жизнь единственному внуку Петра Великого?

Напрасно наш лейб-медик старался доказать суеверным сплетникам, что медицинская наука в восемнадцатом столетии не умела бороться с натуральной оспой и что молодой император умер бы так же, если бы обручился с самой счастливой девушкой на свете. Сплетники выслушивали мнение медицинского авторитета, но продолжали свою кампанию.

Начало романа государя с княжной Долгорукой общественное мнение связывало с выступлениями нигилистов.

– Мой милый доктор, – говорила одна титулованная дама с большими связями, – при всем моем уважении к успехам современной науки я, право, не вижу, как ваши коллеги могли бы воспрепятствовать нигилистам бросать бомбы в направлении, указанном нашим великим диктатором?

Последнее относилось к графу Лорис-Меликову, примиренческая политика которого вызывала бурю негодования у сановников без постов и у непризнанных спасителей отечества. Карьера и деятельность Лорис-Меликова являлись неисчерпаемой темой для разговоров в светских и политических салонах. Храбрый командир корпуса и помощник моего отца во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., граф Лорис-Меликов, по мнению своих врагов, стал послушным орудием в руках княгини Юрьевской. Назначенный на пост канцлера империи, Лорис-Меликов пользовался полным доверием царя, и его глубокая привязанность к монарху была очевидна. В смертельной схватке с террористами пред его глазами часто возникал образ двух влюбленных из Зимнего дворца, которые молили не нарушать их идиллии. Классическая фраза про человека, который знает хорошую дорогу, но предпочитает идти по плохой, как нельзя более подходила к этому честному солдату. После долгих колебаний он решил внять мольбам влюбленной женщины и протянуть руку примирения революционерам, что и ускорило катастрофу. Революционеры удвоили свои требования и стали грозить открытым восстанием. Люди, преданные престолу, возмущались и уклонялись от деятельности. А народ – эти сто двадцать пять миллионов крестьян, раскинутых по всему лицу земли русской, – говорил, что помещики наняли армянского генерала, чтобы убить царя за то, что он дал мужикам волю.

Удивительное заключение, но оно представлялось вполне логичным, если принять во внимание, что, кроме С.-Петербурга, Москвы и нескольких крупных провинциальных центров, в которых выходили газеты, вся остальная страна питалась слухами.

Правитель страны, обладавший известным политическим цинизмом, мог бы легко использовать эти народные настроения для поддержания принципа абсолютной монархии, но питомцы военной академии никогда не изучали тонкое искусство политического цинизма. Накануне нового, 1881 года Лорис-Меликов представил на утверждение Александра II проект коренной реформы русского государственного устройства, в основу которого были положены принципы английской конституции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.